

АРТЕМ БЕЛОВ

ДРУГ МОРЯ

Артем Белов

Друг моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51327239

ISBN 9785449827838

Аннотация

В погоне за мечтой детства Юрий Морской приезжает в Южный Солнцевск, что расположился на берегу Охотского моря. Крюинговое агентство пообещало ему должность матроса на одном из судов; но судьба распорядилась иначе, и мечта ускользает. Без денег на дорогу домой, без ночлега Юре ничего не остается, кроме как пойти работать, куда возьмут. Вместо склада консервов удобно подворачивается вакансия маячника.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Друг моря

Артем Белов

© Артем Белов, 2020

ISBN 978-5-4498-2783-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Секретарша ничего не сказала, только едва заметно улыбнулась, разглядывая документы. Она невыносимо медленно вбивала данные в базу, мощно щелкая истертыми клавишами, будто ей платили не по часам и не по дням, а за то, насколько громко она печатала. Юра устало закатил глаза и скривил лицо; все местные рабы бюрократии находили его фамилию весьма забавной. Конечно, как тут не посмеяться, когда вокруг работы – только на рыболовецких судах да в порту грузчиком. Или, в лучшем случае, пристроят рыбу потрошить на фабрику.

– Юрий Морской, – смакуя каждый слог, громко произнесла секретарша, – Морской... Точно не Морсков?

Она взгляделась в строчки паспорта.

– Точно, точно, – раздраженно ответил Юра, потирая уставшие глаза.

Секретарша широко улыбнулась; от этого толстый слой косметики на лбу и в уголках рта угрожающе потрескался. Со страдальческим скрежетом принтер выплюнул договор на обработку данных и прочие ненужные бумажки, оставив на них широкую бледную полосу.

– Семнадцатый кабинет на первом этаже.

– Спасибо.

Схватив бумаги и паспорт, Юра выскочил в коридор, пол-

ный измученных и бледных безработных. Как и он, они стояли в длинной очереди, ожидая, когда и над их фамилиями посмеются. Гидрографическая служба в Южном Солнцевске, из-за удаленности от Санкт-Петербурга и повально-го наплевательского отношения совмещающая в себе биржу труда и ассоциацию всех крьюинговых агентств, из года в год ломилась от соискателей; иногда казалось, что стоящих в очереди больше, чем жителей в самом городке. По сути, городом Южный Солнцевск назвать было очень трудно – скорее портом-переростком, с единственной фабрикой по производству рыбных консервов, парой кафе, десятком магазинов и ордой кораблей у причалов и в доках. Молодежь все чаще уезжала в Москву при первой же возможности в поисках лучшей жизни, или хотя бы такой, которая не провоняла насквозь рыбой и морем. Юрий Морской не был одним из этих молодых людей. Наоборот, он сам прибыл в городок, проведя бесчисленные часы сначала в вонючем поезде, среди грязных пяток плацкартного вагона, а потом подхватив простуду на пароме. Паромщик и сам походил на простуду во плоти: укутанный в несколько слоев рваных свитеров, с надвинутой на лоб шапкой, из-под которой торчал только громадный красный нос. Юра среди всех пассажиров парома в тот день выглядел единственным живым – остальные, словно зомби, зашаркали в разные стороны сразу после прибытия. Кто домой, кто на фабрику. Юра же долго топтался на месте, сжимая в руке мятую бумажку с адресом и телефо-

ном конторы, куда его пригласили.

Секретарша на бирже труда начала было расспрашивать Юру о том, зачем он приехал в Южный Солнцевск и что он тут вообще забыл, но юноша только отмахнулся – ему хватило бесконечных споров и ругани дома, среди родных и друзей. Окончив школу, расправившись с университетом, промаршировав через службу на флоте, Юра твердо решил, что хочет стать моряком. Тем более, что фамилия только подогревала романтические мысли о кораблях, дальних плаваниях и закатном солнце, которое тонет в пучине вместе с угасающим днем. Поругавшись со всеми, с кем мог, растратив все имеющиеся нервы в интернете, а все деньги – на междугородние звонки, Юра наконец стоял среди Южного Солнцевска. Ошарашенный и удивленный, оплеванный погодой и обсмеянный секретаршами. Ветер трепал его темные волосы, а ледяные маленькие капли дождя облизывали гладко выбритые щеки. Местные его сразу заметили; среди их сторбленных фигур внушительный рост Юры казался диковинкой. Как следует вычищенные берцы обернулись грязными комьями в тот самый миг, как юноша ступил на берег.

Юра шел по коридору мимо очереди из бледных подобий людей, считая кабинеты. На одних висели полустертые номера, с других они давно упали. Наконец, он остановился возле замызганной двери, что следовала после комнаты шестнадцать.

– Кажется, сюда...

Встряхнув в руке свеженапечатанные бумажки, Юра постучал и вошел.

– Можно?

– Да, заходите.

Комната напоминала старую морскую раковину, в которой жил краб-отшельник. Деревянные полы скрипели при каждом шаге, словно палуба старинного корабля, а сам краб, расплывшись по стулу, сидел за массивным письменным столом. В роли краба выступал солидных размеров лысеющий мужчина с громадными синяками под глазами; он перебирал один лист бумаги за другим, то расставляя печати, то расписываясь ручкой.

– Слушаю вас, – дежурно заявил он, даже не посмотрев на прибывшего.

– Вот мой паспорт, вот документы из судоходной школы, вот все остальное. Я приехал вот в эту компанию, – Юра протянул мятый листочек.

Краб-отшельник на этот раз поднял глаза и сцапал листочек. Он внимательно прочел все, что могла поведать бумажка, и жадно зарылся в старый компьютер.

– Из Москвы?

– Из Подмосковья.

– Каким же это ветром вас к нам занесло, Юрий... Морской?

– Морским и занесло, – устало ответил юноша, – хочу работать на корабле. Мечта детства.

– Понятно. А что же не Мурманск? Или Черное море? Нынче к нам почти никто не приезжает...

Юра пожал плечами. Он и сам не знал, почему, но ни в одном крюинговом агентстве его не взяли – ни на торговый флот, ни на круизный. Где-то отнекивались, что вакансии не актуальны, где-то все места уже были заняты. В отчаянии Юра просматривал сайт за сайтом, целыми днями, обзвонил сотни разных мест и городов. И – о чудо! – отозвался Южный Солнцевск на полуострове Солнечный. Чудом юноша это считал до того самого момента, как увидел местный порт: карикатуру на нормальные порты, или нечто, поднявшееся из темных глубин океана. Южный Солнцевск был в большей степени морским существом или забытым коралловым рифом, чем настоящим городом России.

Пока хозяин кабинета блестел лысиной и закапывался все глубже в компьютер, Юра оглядывался по сторонам. Окна закрывали шторы – скорее, не из-за солнечного света, а чтобы скрыть грязные разводы; двери и полы покрывали вековые пятна. Только стол – видимо, особая гордость «краба» – стоял чище души младенца. Его портила только чашка горячего чая, по стенке которой неумолимо ползла маленькая коричневая капля.

– Хм... – бурчал клерк, – хм... так. Так-так-так...

Юра уже хотел было спросить, в чем дело, но кабинетный отшельник откинулся на спинку стула и сложил руки на необъятном животе. Он обращался к юноше, но смотрел

все еще на экран.

– Извините, конечно, но... у этой компании свободных мест нет. Все должности на корабле заняты.

– Да, я знаю, они меня как раз одним из последних записали.

– Вашего имени тут нет, – отрезал краб.

Сердце Юры ухнуло вниз. Не может быть! Точно какая-то ошибка.

– Но я договорился обо всем по телефону... – хрипло сказал он. – Они знают, что я приеду. Наверное, мне место и зарезервировали. У вас тут есть телефон? Я уверен, это какое-то недоразумение. Я просто позвоню и все узнаю.

– Хм. Хм... Что ж, ладно. Сейчас узнаем.

Откуда-то снизу клерк достал массивный телефон, старый, еще с диском, и со звоном водрузил на стол. Капля чая не выдержала и сползла на столешницу, оставив мокрое пятнышко. «Точно останется след», – почему-то подумал Юра.

– Здравствуйте, это вас из Гидрографической службы беспокоят... Да, я вижу, что набор закрыт. Тут у меня сидит Юрий Михайлович Морской, говорит, что договаривался с вами по телефону, и вы ему обещали работу. Я не знаю, на каком судне, я... откуда он? Из Подмосковья. Проверьте, пожалуйста.

Повисла гробовая тишина, нарушаемая только скрипом половиц в коридоре. Простуда хорошенько схватила Юру за горло, а волнение заставило пот выступить на лбу; по-

давшись вперед, юноша ждал ответа крьюинговой компании. Клерк оживился.

– Да-да, тут. Ага. Мор-с-кой. Юрий Михайлович. Угу. Он! Понятно. Спасибо.

Трубка легла на место, а клерк снова откинулся на спинку стула. Он вздохнул, и покачал головой.

– Они наняли местного. Говорят, звонили вам, но вас уже не было дома. Извините. А сотовый не отвечал.

– То есть как это...

В один миг жизнь юноши перевернулась с ног на голову. Он не мог собраться с мыслями, слушая только, как скрипят половицы – ему уже казалось, что это у него в голове проложили старый пол, и по нему без конца ходят бледные усталые люди. Денег у Юры оставалось только на еду, а с собой были лишь кое-какие личные принадлежности. Его заверили в крьюинговой компании, что место точно его, и никто не хотел его занимать месяцами; теперь же он не знал, что делать и куда податься. Чтобы добраться домой, нужна была серьезная сумма денег. И у Юры ее, разумеется, не было. А после того скандала, который он устроил дома, Юра выбросил старую сим-карту и стер из телефона номера родных. Наизусть он их не помнил. Телефон разрядился еще в поезде, а зарядное устройство пропало без вести там же.

– Извините, – только развел руками комнатный краб-отшельник, – ничем не могу помочь. Есть еще кто-то в коридоре после вас?

Юра не услышал вопроса. У него звенело в ушах, а кровь прилила к лицу; он пробормотал что-то неразборчивое и неловко поднялся со стула. Как же так? Все, что произошло после того, как Юра ушел из дома, выстроилось в его голове в ржавую портовую цепь, каждое звено которой готово было вот-вот треснуть и дать слабину. Все те жертвы, на которые Юра пошел ради мечты, оказались впустую. Крюинговая компания приобрела в его голове образ противного толстяка, который только пожимает безразлично плечами. Вакансий нет. Взяли местного. Извините.

– Нет, за мной никого...

Юра едва чувствовал под собой ноги. Что теперь делать? Куда идти? Южный Солнцевск превратился из города в забытый, покрытый разводами грязи капкан. Юноша побрел к выходу дерганой походкой, как будто с каждым шагом грозился упасть. Так оно и было: в глазах его темнело, а мысли не давали сосредоточиться. Словно во сне, схватился он за ручку кабинета, как за последнюю спасительную соломинку и задержался на мгновение, рассчитывая, что вот-вот «краб» его окликнет и предложит что-то еще, какой-нибудь другой корабль, неважно, какой. Но нет: работник Гидрографической службы только тяжело сопел, глядя юноше вслед. Юра вышел, тихонько прикрыв дверь. Он опустился на лавочку напротив и обреченно обхватил голову руками. Так Юра и застыл, подобно брошенному якорю, скованный собственными тяжелыми раздумьями. Идти решительно некуда.

Обратиться не к кому. Дрожащими пальцами Юра разобрал сотовый телефон и стал неистово тереть батарею о штаны, пытаясь полуполюгендарным способом вернуть ее хоть ненадолго к жизни. Все без толку: мертвее этой батареи не было никого на свете.

Юра вполголоса выругался и тут же заозирался: не заметил ли кто, не услышал ли, не смотрят ли на него осуждающе усталые посетители? Но никто не обратил ни малейшего внимания. Редкие серые люди с непримечательной внешностью сновали из кабинета в кабинет, перекатывались между ними бесцельно. В их руках то появлялись новые пачки бумажек, то исчезали старые. Как только листков не оставалось совсем, посетители неуверенно переминались с ноги на ногу и медленно уходили прочь, стуча тяжелой входной дверью. Юра же оцепенел; его тело будто замерзло, в то время как разум метался из одного угла черепа в другой в тщетных попытках найти решение проблемы. Бродяжничать на улицах незнакомого городка ему точно не улыбалось.

Так и сидел он, совершенно не шевелясь, отдавшись полностью угрюмым мыслям. Только глаза его шевелились медленно, следили за ползущей по стене мокрицей, которая тоже не могла определиться, куда же все-таки ползти – совсем как молчаливые посетители безымянных кабинетов. Все меньше людей проходило мимо, бросая мельком взгляды на неподвижного Юру, все ниже опускалось солнце и меньше света пролезало в окна филиала Гидрографической служ-

бы. Мало-помалу стали хлопать двери кабинетов; бесформенные секретарши отправлялись по домам, ныряли из прогретых кабинетов в рыбный воздух Южного Солнцевска.

Последним же, едва часовая стрелка остановилась на цифре шесть, из офисной раковины выполз «краб». Стоя он производил еще более сильное впечатление, чем сидя: громадный, с устрашающе сверкающей лысиной и колыхающимися на каждом шагу боками. Ему определенно не хватало клешней и лишних пар ног; Юра от души посмеялся бы раньше над таким сходством, будь он в Москве, а не незнакомом городе, где его нагло обманули с работой. Точнее говоря, он сам себя обманул, в сердцах оборвав всякую связь с родными и упустив из виду зарядное устройство. Винить оставалось только себя, чем юноша с упоением и занимался. «Краб» удивленно вскинул брови и засопел.

– Как, вы все еще тут? В какой кабинет сидите? Уже все по домам разошлись!

Юра только рассеянно посмотрел на работника Гидрографической службы и пожал плечами. Слова не лезли из горла.

– Бросьте вы эти суда наши, отправляйтесь домой. Не то тут место, чтобы за мечтой ехать, уж поверьте. По молодости ошиблись, ну, бывает – идите скорее на паром, оттуда на вокзал и домой. Или денег нет?

– Нету, – просто ответил Юра, покачав головой.

– Что, ни рубля?

– Чуть-чуть. На поезд не хватит.

«Краб» немного походил взад-вперед, повздыхал, покачал укоризненно головой. Наконец, уже было собравшись уходить и зазвенев требовательно ключами, спросил:

– Идти-то хоть есть куда?

– Нет.

– Эх... – грузный мужчина застыл в раздумьях, тоже внимательно глядя на мокриц, что уже строем вышагивали по стене. – Даже не знаю. Ну раз некуда, оставайтесь хоть тут, что ли. На лавочке вот прилягте. Я вас запрю, только не трогайте ничего, ладно? Чисто по-человечески разрешаю.

– Спасибо, – грустно ответил Юра и лег на жесткие доски, подложив ладонь под щеку.

Скамейка была словно сделана из самого неудобного для лежания дерева, которое только можно было найти в России. Как ни вертелся Юра, ему не удавалось найти места, где бы доски не кусали больно за ребра. В одно мгновение погас свет, раздался последний стук входной двери, и «краб» закопошился ключами в замке. Через пару секунд повисла вязкая тишина, обволакивающая и негостеприимная. Юра никак не мог отделаться от грустных мыслей, едва осознавая даже, где он находится и что делает. «Придется искать хоть какую-то работу, – думал юноша, – заработаю ровно столько, чтобы хватило на билет домой, и уеду. Еще теперь перед моими дома унижаться... Спать пока придется на каком-нибудь складе с рыбой. Лучше не бывает». Юноша ворочался в полузабытьи несколько часов, пока все-таки не провалил-

ся в настоящий сон, который не принес никакого облегчения. Ему снились подушки и одеяла из полусгнившей рыбы, которыми он тщетно пытался укрыться от холода на старом складе с дырявой крышей. Ему казалось даже сквозь сон, что из-за закрытых век льются слезы. Юра успел уже пожалеть не только о своем решении, но и о собственных мечтах, он проклинал все на свете, мысленно прося мать забрать его домой. Но тут же, не просыпаясь, он гнал сомнения прочь и ругался на себя, обвиняя в трусости и слабоволии.

В метаниях и беспокойных сновидениях протащилась ночь мимо здания Гидрографической службы, уступив небо серому утру, такому же облачному, как и день до него, с размазанными по небосклону облаками-слизнями. Мелкий дождик застучался в окно, как будто требуя взять его на работу, и этот настойчивый стук разбудил Юру, который с резким вздохом сел на скамейке. Отвратительный сон и угрюмая ночь тут же дали о себе знать: спина Юры ныла так, как не ныла ни разу за всю службу в армии. Деревянные доски со злорадством, казалось, хихикали, вспоминая, как мучили и крутили мышцы юноши всю ночь. Теперь Юра не мог как следует повернуться, чувствуя, как резкая боль пронзает бок раскаленным шипом. Он старался и так и эдак, нагибался и с хрустом расправлял спину, но все без толку: боль не унималась, а только с издевкой разгоралась сильнее.

Дождик усилился, застилая окна. Он водяными шторами повис на стекле, превращая и без того унылый Южный Солн-

цевск в смазанную карандашную картинку. Юра посмотрел на разбитый тротуар и громадные лужи на нем, в которых мог поместиться целый батальон уток. Юноша покачал обреченно головой. На самый короткий миг, стоило только вырваться из объятий сна, ему показалось, что он дома, а вовсе не за тысячи километров на восток, и нет никаких проблем, и не пахнет ни солью, ни рыбой, и не смотрят на него уныло стертые половицы. Осознание пришло быстро – вместе с настойчивым копошением ключа в замке. Юра сел поудобнее, не отрывая взгляда от входной двери, и прислушался к завываниям желудка – никакого ужина он, естественно, не увидел, да и завтрак не планировался. Как будто ничего не изменилось за ночь: широко отворившись, дверь пропустила «краба» с колыхающимся животом. Отличие было лишь одно: грузный мужчина выглядел еще более помятым, чем вечером. Он сжимал в руках мокрый зонт, с которого лились водопады мутного дождя. Невольно Юра подумал о том, как, сидя один в собственном кабинете, этот клерк расправляет морщины большими клешнями и натягивает кожу лица, избавляясь от синяков под глазами. Легко тряхнув головой, Юра прогнал от себя глупый образ. Мужчина, тем временем, уже приблизился достаточно, чтобы начать разговор. «Краб» не сводил глаз с постояльца Гидрографической службы.

– Ну, поспал? На скамейке-то, небось, так себе спится...

– Кое-как поспал, – Юра положил ладонь себе на шею и стал тереть, пока не почувствовал жар.

– Что теперь делать будешь? – буднично осведомился клерк, открывая кабинет.

– Мне делать нечего... не знаю. Наверное, пойду куда-нибудь искать работу. Других вариантов у меня нет, раз крьюинговая компания так подставила... Заработаю на билет до мой и уеду ко всем чертям.

– Да, да, правильно... – рассеянно ответил «краб», со скрипом открывая дверь во влажный мрак своей раковины, – посиди пока тут, есть у меня одна идейка. Подумал кое-чем, пока собирался на работу. Жалко мне тебя, парнишка, сам ведь таким когда-то был...

Краб заполз к себе в логово, и Юра представил, как жирное членистоногое разгребает кучи водорослей, чтобы найти официальные бланки. Снова дал о себе знать голодный желудок, но его настойчивым просьбам суждено было остаться без ответа. Юра только сморщил лицо и обхватил живот руками.

– Зайди в кабинет!

Вместе со словами в открытой комнате зажегся свет, едва-едва способный выгнать липкий мрак из углов. Юра вошел и опустился на тот же самый стульчик, что и вчера, с едва осязаемой надеждой на какой-нибудь счастливый исход. Что ни говори, а люди – неисправимые оптимисты; в голове юноши уже выстраивался целый фильм о том, как отдел кадров просто ошибся, и вот сейчас «краб» позвонит в ту же самую крьюинговую компанию, а там попросят прощения, при-

знают ошибку и скажут, что Юру Морского давно уже ждут с приготовленным специально завтраком... Конечно, всем было на Юру решительно плевать, и он это понимал. Но мечтать он любил и умел.

«Краб», однако, не спешил доставать со звоном старинный телефон. Он мучительно медленно запустил компьютер, включил электрический чайник и стал терпеливо дожидаться его свиста. Как только дымящаяся кружка чая, по размеру больше напоминавшая ведро, с грохотом уселась на письменном столе, мужчина вздохнул, будто набрал в легкие побольше воздуха, и нырнул с головой в бумаги. Он переключал лист за листом, что-то отбрасывал сразу, что-то внимательно читал, шевеля губами; Юра едва мог усидеть на месте от волнения, которое только росло с каждой секундой. Он то взглядом прожигал листки, то пытался заглянуть «крабу» в мозги и прочесть ленивые утренние мысли.

– Так-так-так... – снова затараторил клерк, нарочно громко щелкая мышкой и одновременно поглядывая на кипу листков.

Это громкое кликанье громом расходилось по черепу Юры, болью отзывалось в затылке и заставляло его ерзать на стуле еще больше.

– Работы у нас в городе немного, – издали начал «краб», пожав плечами, будто разговаривал сам с собой, – и почти все хранится у меня тут, в базе. Я тут вроде как старший сотрудник, поэтому знаю, как в Южном Солнцевске трудно бы-

вает, особенно тем редким людям, которые решаются приехать так далеко на восток. А китайские предприятия нас как-то стороной обходят, вот и мест рабочих новых не появляется. Только и остается, что рыбные склады охранять или потрошить ту же самую рыбу с утра до ночи... Ну да, я смотрю, тебе не терпится узнать, чего я тебя позвал. У меня, видишь ли, бессонница, я дома ворочался, думал, и тут вдруг вспомнил, что у меня где-то была папка на компьютере с «проклятыми» вакансиями.

– Проклятыми? – недоверчиво вскинул бровь Юра.

– Ну да, шутка такая, – ухмыльнулся «краб». – Это вакансии, на которые либо никто никогда не идет, либо идут, но увольняются через месяц-два, а то и вовсе просто сбегают. Частенько бывало. Так вот я и сообразил – может, ты на такую согласишься? Тебе все равно деньги до дома нужны, а уж эти рабочие места лучше, чем на рыбном складе жить среди вони. Ума не приложу, чего все от них бегут, как от огня...

– Ну так... а что за вакансии-то хоть? – осторожно спросил Юра.

– Вот и ищу. Погоди минутку.

Отряды мягких подбородков бросало из стороны в сторону, когда старший специалист Гидрографической службы поворачивал в очередной раз голову к чашке с чаем. Вскоре она почти опустела, а «краб» так и не проронил больше ни слова, хмурясь все больше и больше, шипя и мотая раз-

драженно головой. Юра пристально следил за тем, как меняется его лицо – покрытое морщинами и складками, пытающееся прикрыть густыми бровями маленькие добрые глазки. На лице этом можно было прочесть абсолютно все так ясно, что слова и вовсе не требовались: папка куда-то запропастилась, и клерк отчаянно пытался ее отыскать. Очень уж запала ему в голову идея сбегать подмосковного юношу на одну из «проклятых» вакансий. Двойная выгода: и парню помог, и местную «дыру» прикрыл! Наконец, лицо «краба» прояснилось; улыбка его расплзлась от уха до уха, а в жерло необъятного рта отправился последний глоток слишком крепкого чая.

– Вот она! Нашел. Ну, давай посмотрим с тобой. Так-так-так...

Юра украдкой вытер каплю пота с виска, которая щеко-тала его невыносимо. В здании было прохладно, даже про-мозгло, но юношу бросало то в жар, то в холод – от волнения и простуды.

– Смотри. Маячником пойдешь?

Одним могучим движением «краб» развернул монитор, и в лицо Юре враждебно уставились буквы и цифры. На должность механика и техника одновременно требова-лись люди с высшим техническим образованием. Началь-ствовала над всем этим какая-то войсковая часть с незапо-минающимся номером, а с уголка глядело название маяка: «Белый».

– Стоит на Тимиревском мысе, – буднично заметил «краб», – слышал про такой? Не слышал, конечно, о чем я говорю... Интересная история у нас с этим мысом. Его вроде до СССР так называли, но никто не знал, про какого Тимирева речь. Да еще и сам маяк «Белым» зовется... А ведь он старый, очень старый. Все время подозрения ходили, что это его в честь контр-адмирала Тимирева называли, который белогвардейцем был. Историю знаешь? Нет? Ну, не важно. В общем, удивительно, но даже с приходом СССР его не переименовали. Так до сих пор и зовется в честь белогвардейца. На острове Тихом стоит; смотритель там старый Георгий Данилович Дюбуа. Черт его знает, откуда у старикана французская фамилия, но мы его между собой зовем не Георгием, а Жоржем. Так, в шутку. Он не обижается. Нам с ним часто общаться приходится – от него молодые, вроде тебя, бегут как тараканы. И правда что, проклятая вакансия...

– А почему? – подняв глаза вверх монитора, Юра посмотрел на «краба», – из-за чего бегут? Там что... ну...

– Работа тяжелая, парень, – развел руками клерк, – не выдерживают, бегут через сезон. Финансирования нет, ничего нет, новых деталей для дизеля не дают, приходится все больше по судостроительным цехам выискивать и выпрашивать, покупать на свои деньги. Жорж на это постоянно жалуется, а мы-то что? Мы ничего сделать не можем. А дизель этот приходится чуть не каждую неделю перебирать, без него ведь никуда. Дизель – сердце маяка! А уж зимой его поте-

рять... подумать страшно. Объем работы там просто невероятный, а платят мало. Вот и бегут. Да и климат отвратительный. Циклон на циклоне.

– Наверное, уж все же лучше, чем рыбу-то потрошить с утра до ночи...

– Наверное. Но мне на Тихом бывать не доводилось. Да и не хотелось бы.

– А зарплата какая? – робко спросил Юра вполголоса.

– Смотри, стажа у тебя никакого. Техническое хоть образование-то? Дизель соберешь?

– Техническое. Соберу... наверное. Постараюсь.

– Двадцать две тысячи рублей оклада, – пожал плечами мужчина, – ни дать ни взять. Но больше ты тут нигде не найдешь. На всех складах куда меньше... Да уж, парень, это тебе не в крюинговой компании направления на корабли получать. Но в твоей ситуации – хороший вариант. Это все, что могу предложить тебе. Больше ничем помочь не могу. Если согласишься, сегодня же тебе моторку на Тихий организуем, а я позвоню кое-куда, они по длинноволновой с Жоржем свяжутся и обрадуют. Старик он, конечно, своеобразный... но нормальный. Уж как-нибудь сойдетесь, все равно вас там будет двое на весь остров. Поработаешь пару месяцев и езжай домой. Или, глядишь, место на корабле освободится, мы твои контакты запишем. Что скажешь?

Юра пожал плечами. Выбора у него особенного и не было, а «краб» все правильно подметил: получать даже такую зар-

плату на маяке, а не гроши на складе, все же лучше. У юноши не было времени как следует обдумать положение, так, чтобы посмотреть все варианты – голод и нужда поджимали его все сильнее, нужно было принять хоть какое-то решение. Сама мысль о сне в рыбной гряде вызывала почти физическое отвращение, такое, что у Юры начинались рвотные позывы, а перед глазами плыли силуэты рыбных объедков и гнилых плавников. В таких декорациях место на «Белом» казалось спасительным выходом, сияющей открытой дверью среди закрытых, перемотанных грязными корабельными канатами. Юра отметил про себя, что глаза клерка точно должны сидеть на тонких длинных ножках, а собственно ног под массивным письменным столом должно быть никак не меньше десяти. Сесть на моторную лодку, доехать до острова, познакомиться с чудачком-смотрителем и попотеть месяц. Только и всего. План не казался таким уж провальным.

– Хорошо, – наконец, утвердительно кивнул Юрий Морской, – я согласен. Отправляйте. Как скоро можно будет плыть на остров?.. Меня же там накормят, да?

– Конечно, накормят! Уж Жорж-то накормит! – поспешил заверить Юру работник Гидрографической службы. – Сейчас все организуем. Позвоню в пару мест, оформлю твои документы, а ты пока выйди, посиди в коридоре. Давай бумажки вчерашние. Вот так! Сейчас все сделаем...

– Спасибо, – Юра пожал «крабу» клешню, – огромное вам человеческое спасибо. И за то, что на ночь оставили, и за этот

маяк...

– Не стоит благодарности. Несправедливо тебя наши-то кинули. Давай, подожди немного, а лодка тебе будет. К обе-ду, наверное. Не переживай.

Юра вышел из кабинета и в изнеможении рухнул на скамью. Те же самые лица, что и вчера, уже появились в зда-нии; люди, сами не понимая точно, зачем пришли, слонялись из кабинета в кабинет, из угла в угол, бесцельно шагая по ко-ридору или с глупыми выражениями лиц стуча в закрытые еще двери. Юрий Морской чувствовал себя подобно водолазу в рыбном косяке – все те же взгляды больших водяни-стых глаз и ничего не выражающие чешуйчатые морды. Че-рез щель, которая давала возможность подсмотреть за тем, что происходит в кабинете «краба», Юра видел, как толстяк совершенно зарылся в бумажки; вид у него был самый что ни на есть довольный, как будто от этой вакансии Гидрогра-фическая служба не могла избавиться со времен той самой Гражданской войны белых и красных.

«Жорж, – мелькала мысль в голове Юры, не желая ухо-дить, – Жорж Дюбуа... Странное имя для маячника. Тем более на Дальнем Востоке». Юноша пожал плечами и при-крыл глаза, концентрируясь на пульсирующей боли во лбу. Он ей почти наслаждался: с переживаниями ночи и вчераш-него вечера никакая головная боль не могла идти ни в какое сравнение, и все, что Юра испытывал – безбрежное злорад-ство к самому себе и собственным неудачам. Если бы они

обрели форму человека и возникли сейчас посреди коридора, Юра непременно стал бы показывать им неприличные жесты. В одно мгновение все заботы и страхи, а также стыд за собственную никудышность, улетучились прочь, впитавшись в тяжелые облака Южного Солнцевска.

Юрий Морской крепко задумался. Что, по существу, он вообще знал о том, как трудятся маячники? Мало чего: так сразу он и припомнить не мог. Интернет не пестрел историями о бравых зрителях, а уж о тяжелой ноше техников и механиков и вовсе было ничего не найти. Не придавал уверенности также факт, что все маяки считались войсковыми частями, и потому имели определенную секретность. В Подмосковье настоящих маяков не водилось, поэтому и на экскурсию Юре съездить не довелось. Маяк представлялся юноше чем-то сказочным, старым – даже древним; неприступной скалой высился он среди волн на одиноком уступе, и корабли в ярости шторма цеплялись за его свет, как за спасительную соломинку, пытаясь добраться до гавани. Маяки вызывали в Юре чувство чего-то чуждого самому человечеству, как будто первые неандертальцы и люди разумные бродили по джунглям и саваннам, а в будущей России уже стояли маяки, построенные чужими руками и выдуманые недоступным для понимания разумом. Зритель маяка лишь наблюдает работу иного мира. Если маяк захочет, он за ночь встанет и уйдет с мыса, пересядет куда-то поудобнее. Он просто не хочет.

С мыслями, обволакивающими голову, как густой сок, Юра сидел с мечтательно прикрытыми глазами на неудобной скамье, а проходящие мимо местные бросали на него удивленные взгляды. Как это, в Южном Солнцевске, в дождливый день – и кто-то радуется?! Но юноша не обращал на проплывающих «рыб» внимания. Пусть себе таращат мокрые глаза и безмолвно открывают глубокие рты. Он так замечтался, что не заметил, как стрелки часов в кабинете «краба» показали одиннадцать. Голод превратился из надоедливового урчания и отвратительного ощущения, будто рвота подкатывает к горлу, в тупую боль где-то внизу живота, которую Юра уже научился не замечать совсем. Стоило только «крабу» встать с насиженного места, как Юра весь подобрался – он едва не сел с ногами на скамье, стараясь даже не моргать, чтобы не упустить ни одного движения, ни одной самой незначительной эмоции на лице толстяка.

– Ну вот, – радостно воскликнул «краб», как только выполз из своей раковины, – все готово! Позвонил, оформили тебя как надо, принимай командование, как говорится. Сейчас у нас... – работник Гидрографической службы одухотворенно посмотрел на старенькие наручные часы, – одиннадцать часов утра. В двенадцать будет тебе моторка. Отвезут на Тихий и как раз позавтракаешь и пообедаешь сразу. Жоржа обещались предупредить по рации, он тебе прием подготовит.

– Отлично, – выдохнул Юра, вскакивая с места, – спасибо

вам большое! Просто отлично! Не знаю даже, как и благодарить!..

– Да брось, – усмехнулся «краб», – не бери в голову. Радуйся, что у нас хоть что-то было, что предложить, а то и впрямь судьба была бы незавидная...

– Там, на Тихом, есть ведь барак какой-то, да? Меня там разместят?

На секунду лицо толстяка не выражало совершенно ничего, потом подернулось гримасой легкого удивления. «Краб» разразился гомерическим хохотом и не мог остановиться никак не меньше минуты. Юра молча стоял, чувствуя необъяснимый стыд; он хотел, чтобы все люди, что сейчас пялились на смеющегося мужчину, ушли по своим делам. Подбородки «краба» неистово тряслись. Наконец, он утолил свое веселье и, утирая слезы, похлопал новоиспеченного механика маяка по плечу. На том разговор и окончился – сотрудник службы ушел, сказав, что дел у него еще по горло, а Юре вкратце описал, куда подойти и кто его встретит. Так юноша и сделал, закинув верный рюкзак на плечо: он отправился на пристань, затерянную среди сотни таких же, где его должна была ждать спасительная лодка, которая отвезет едва ли не домой. По крайней мере, туда, где можно будет достать денег на билет до дома.

Условия, которыми пугали Юру, юношу не особо волновали – он считал, что служба на флоте закалила его для такой работы, а по пути он вспоминал, как устроен дизельный дви-

гатель. Юра был уверен, что сможет собрать и разобрать его, если понадобится, а также что-нибудь починить, если запасные детали найдутся. Сквозь пелену размышлений и предвкушений юноша смотрел по сторонам, едва замечая проплывающие мимо полуразрушенные здания и далекие советские панельные дома, примостившиеся в самых неожиданных местах. Вывески на домах пестрели так сильно, контрастируя с серыми стенами, что разобрать, что на них написано, не представлялось никакой возможности. Редкие люди, что попадались на улицах, спешили по своим делам, низко надвинув капюшоны или напялив шапки так, что глаза с бровями скрывались за толстой материей. Весь Южный Солнцевск походил на старую улитку, ползущую по берегу моря. Жители же города представлялись Юре мыслями улитки, серыми, скучными и одинокими. В сущности, так оно и было.

Чем ближе юноша подходил к пристаням, тем сильнее становился запах рыбы, который стремился полностью подменить собой весь пригодный воздух. Сами рыбины, целые и выпотрошенные, стали попадаться то тут, то там, лежа прямо на земле или грязных паллетах. Рыбины, блестящие и пятнистые, были похожи на обмытые морской водой камешки в крапинку. Лодки и корабли покачивались в медленном танце, следуя ритму волн, и весь порт представлял собой грандиозный бал с напыщенными многопалубными пассажирскими судами и наряженными маленькими моторками. Одна из таких застенчиво ждала на самом конце одного

из пирсов, вдали от остальных участников бала, все еще скованно взлетая и опускаясь на волнах. Часов у Юры не было, но по оживившемуся «капитану» он понял, что именно эта лодчонка отвезет его на Тихий. Утренний туман отступал, рассеивался, открывая взору морские просторы, где на металлическом листе воды жуками ползали суда. Островки показывались то тут, то там; их серо-зеленые берега, где крутые, а где пологие, спали, все еще укрытые травой и осыпаемые брызгами волн.

– К Жоржу? – потирая руки, прохрипел мужчина в ободранной синей шапке.

Он сидел в лодке так, будто это был его дом – не хватало только потолка да люстры с телевизором. Мужчина был стар и потрепан жизнью, и из-за плотной щетины казалось, будто его покрывают рачки, что обычно ковром стелятся по днищам кораблей. Только глаза в рамке морщин – светлые, почти белые – сияли на лице как два бриллианта в оправе из простой глины. В зубах мужчина держал сигарету, и сизый дым ветром сносило за лодку, как будто «капитан» пытался подражать пароходам и подарить и своей лодочке чающую трубу.

– ... да, к нему, – неуверенно ответил Юра, – на Тихий. Вас прислали?

– Кого же еще, – проворчал старик и протянул юноше руку.

Юра пожал ее и отдернул почти поспешно – он будто схва-

тил острый камень, покрытый зазубринами. Мозоли на руках «капитана» могли, пожалуй, царапать металл.

– Меня кличут Володей, – снова прохрипел мужчина, – и ты называй, не смотри на возраст. Володя Шершавый.

Юра едва сдержался, чтобы не рассмеяться, но тут же подумал про себя, что более подходящее прозвище трудно было бы найти.

– Очень приятно. Юрий Морской.

Хватка Владимира ослабла и он насупился.

– Смешно, не могу. Я, что ли, себе прозвище придумывал? Еще и передразнивает, эх ты...

– Нет-нет, – запротестовал Юра, – у меня и вправду фамилия такая. Все здесь смеются. Могу хоть паспорт показать!

– А ну, покажи, – Владимир сощурился с напускным подозрением.

Он взял каменной рукой паспорт и стал листать страницу за страницей, изучая его целиком. Только после того, как он одобрительно кивнул, разглядывая отметку о воинской службы, Владимир обратил внимание на фамилию. Он ухмыльнулся и не то засмеялся, не то зашелся кашлем. Содрогаясь с каждым лающим смешком, владелец моторной лодки стал похож на трясущуюся старую ель с темной корой. Юра посмотрел Шершавому под ноги, но ни иголок, ни шишек там не оказалось. Юноша забрал свой паспорт и аккуратно положил в карман, убедившись, что тот никуда не вылетит.

– Ладно, добро. Садись. Повезу тебя к Жоржу... готов

спорить на что угодно, уже через месяц мне прикажут плыть назад и забирать тебя на большую землю, хе-хе!

Юра только пожал плечами и не стал спорить. Все эти разговоры о сложности работы маячника стали ему порядком надоедать; вместо пустой болтовни Юра уселся в лодку и стал смотреть на шныряющих туда-сюда по пристаням людей. Хотя сказать, люди это были или нет, оказалось сложно; по пирсам перемещались, скорее, волшебюно оживленные груды грязного тряпья. Юра присоединился к грандиозному балу кораблей и лодок, и в животе затянулся знакомый узел – качка не давала вестибулярному аппарату спокойно жить. Юра успел даже соскучиться по этому чувству, усиленному стократ нервным ожиданием встречи даже не со зрителем маяка, а самим маяком; еще на службе он понял, что качка будет жилы из него тянуть, поэтому придется как-то перебарывать телесную слабость. Юра так и сделал – и теперь вместо бесконечной рвоты в животе просто ощущался дискомфорт, с которым хотя бы можно было мириться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.